

Ольга Чернова

ВЕРНЫЕ ДО СМЕРТИ

ЦАРСКИЕ СЛУГИ

Простые русские люди. Им всем, с открытыми глазами шедшим навстречу смерти, стоило сказать одно слово отречения, чтобы спастись. Они не сказали этого слова «...потому, что уже давно, в глубине своих сердец, обрекли свои жизни в жертву тем, которых любили и которые сумели создать в окружающих столько привязанности, мужества и самоотвержения» (П. Жильяр).

Рядом со святостью Семьи и они были святы своей безусловной преданностью.

Иван Дмитриевич Седнев (1886—1918)

Матрос гвардейского экипажа Императорской яхты «Штандарт». Лакей Детей и официант Их Величеств. В родном Угличе у него остались трое маленьких детей, мать и сестра.

«Прекрасным человеком» он остался в памяти А.А. Вырубовой, «добрым Седневым» в письмах Государыни.

А.А. Вырубова, уезжая из Александровского дворца в Петропавловскую крепость, успела шепнуть Седневу: «Берегите Их Величества!» Ивана Дмитриевича просить об этом не нужно было: он и погиб из-за того, что самоотверженно берег и защищал Семью.

Из письма Государыни к А.А. Вырубовой из Тобольска от 23 янв. 1918 г.: «Почти не могу удержать пера... в комнате 4 гр. Джимми лежит у меня на коленях и греет меня. Невероятно холодно из-за ветра... Добрый Седнев только что мне принес чашку какао, чтобы согреться, и Джимми просит».

В Ипатьевском доме Иван Дмитриевич заболел. Слег с высокой температурой 15 мая, а на следующий день, судя по записям Государыни, «наполовину выздоровел» и приступил к своим обязанностям. Не было у него привычки разлеживаться...

Климентий Григорьевич Нагорный (1887—1918)

Крестьянин с. Пустоваровка Антоновской волости Свирского уезда Киевской губернии. Его родители жили на родине, женат он не был. Сначала был назначен помощником боцмана Деревенько. После удаления Деревенько Нагорный стал дядькой Наследника.

Цесаревич полубил веселого, молодого матроса. В Ставке во время войны они с Государем смеялись, когда: «...урядник Муравицкий... прекрасный парень, купаясь, выкидывал в воде вместе с Нагорным разные смешные штуки» (из письма Государя из Ставки от 1 июля 1916 г.).

Английский генерал Хенбери-Вильямс, находившийся в Ставке в качестве представителя одной из союзных армий, в своей книге «Император Николай II, каким я его знал» написал: «Нагорный, рослый матрос — “нянька” Алексея Николаевича — всегда был рядом, готовый прийти на помощь. Веселый моряк обожал своего юного повелителя... Можно с уверенностью сказать, что он принадлежал к числу тех людей, кто остается верным своему долгу и своим хозяевам до конца...»

Многолетнее соучастие и сопереживание трагедии Алексея Николаевича и Его Родителей наполнили для матроса почетную службу при Наследнике Престола горячей любовью к маленькому, слабому ребенку, которого русский богатырь защищал, утешал, развлекал и жалел всей своей бесхитростной душой.

В обязанности Нагорного входило не только развлекать и охранять Алексея Николаевича. В полной мере он разделял с Государыней уход за Цесаревичем во время болезни. Это была тяжелая работа, но зачастую переносимей был вид страданий ребенка (люди, зажав уши, пробегали мимо комнаты Цесаревича, не в силах слышать его крики и стоны). Недели без сна и отдыха выдерживала Государыня, а «состоящий при больном Клим Григорьев Нагорный, после нескольких бессонных и полных мучений ночей, сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать вовсе, если на смену ему не являлись бы преподаватели Алексея Николаевича г-н Гиббс и, в особенности, воспитатель г-н Жильяр... давая тем временем родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами...» (из письма доктора Боткина).

В Тобольске Нагорный исполнял секретные поручения Алексея Николаевича и его друга Коли, сына доктора Деревенко, организовавших тайную переписку. Необходимости в этом не было, письма без помех передавал доктор, но сработала мальчишеская любовь к приключениям.

Маленькая струя свежего воздуха была перекрыта в день смены отряда особого назначения на отряд Родионова. Алексей Николаевич ждал письма от Коли Деревенко, которое должен был принести Нагорный. Он вернулся из города слишком поздно — на посту уже стояли красногвардейцы. Нагорного обыскали, письмо нашли и возвели детскую игру в разряд контрреволюционного заговора. В результате доктора Деревенко хотя и не арестовали, но перестали допускать к Их Величествам.

Оба матроса, взрывной Нагорный и более спокойный Седнев, не могли терпеть хамства охранников и часто с ними ссорились. Причем по отношению к себе Нагорный

выносил издевательства тюремщиков с невозмутимым спокойствием, но когда дело касалось Наследника, его охватывал страшный гнев. Родионову Нагорный однажды пообещал, что если тот еще раз позволит себе какую-нибудь грубость с Алексеем Николаевичем, то он, Нагорный, его просто избьет.

Негодовал он и при переезде Августейших Детей из Тобольска в Екатеринбург, когда Родионов запер их с Алексеем Николаевичем в каюте: «Какое нахальство! Большой мальчик! Нельзя в уборную выйти!» Свита тоже протестует: «...Ребенок болен, и доктор должен иметь возможность во всякое время входить к нему» (Жильяр).

Едва ступив на екатеринбургскую землю, Нагорный снова скандалит: увидев, как Княжны, проваливаясь и скользя в жидкой грязи, под дождем, тащат свой багаж, бросился на помощь. Его отталкивали, и он не сдержался, нагрубил. Но до драки дело не дошло: видно, понял матрос, что если этих озлобить, то оплатят они не только ему, но и Княжнам. И все же — едва случается очередной инцидент, он снова без оглядки спешит разобраться с хулиганами-охранниками. Нежная, заботливая нянюшка Цесаревича превращается в боевого, горячего матроса-гвардейца, который, если требуется, может показать подлецам, где раки зимуют.

Теглева: «Нагорный держал себя смело и свою будущую судьбу предсказал себе сам. Когда мы приехали в Екатеринбург, он мне говорил: “Меня они, наверное, убьют. Вы посмотрите, рожи-то, рожи-то у них какие! У одного Родионова чего стоит! Ну, пусть убивают, а все-таки я им хоть одному-двоим, а наколочу морды сам!”»

Судьба, действительно, была предсказана. И задолго до Екатеринбурга Татьяна Мельник-Боткина и баронесса Буксгевден писали в воспоминаниях, что красноармейцы еще в Царском Селе точили зуб на Нагорного и Седнева, так как они позорят честь матросов. Поистине, мир перевернулся: люди, не изменившие присяге, — «позорят

честь»! Солдаты набрасывались на Нагорного с руганью, когда он возил Императрицу в кресле по дворцу и в парк, прислали ему письмо, в котором грозили убить, если он не прекратит служить «жене тирана».

Ни Жене, ни Детям, ни самому «тирану» матросы служить не перестали. И потому 27 мая 1918 г. были арестованы. Повод — помешали охранникам ограбить Алексея Николаевича.

Из дневника Государыни: «27 мая. Понедельник... Бэби снова провел плохую ночь, Е.С. [Боткин] сидел наверху часть ночи, чтобы дать Нагорному поспать... В 6 1/2 Седнева и Нагорного забрали, причины не знаю...»

Вооруженные красноармейцы вывели их из Дома и посадили в пролетки в тот момент, когда Пьер Жильяр, учитель английского языка Гиббс и доктор Деревенко проходили мимо. До отправки в Тюмень они часто ходили к дому Ипатьева, чтобы узнать, что там происходит. 27 мая 1918 г. им это удалось. Нагорный заметил их и попрощался долгим взглядом, не сделав ни малейшего движения, которое могло их выдать. Пролетки направились к тюрьме. «Эти два милых малых были немного спустя расстреляны: их преступление состояло в том, что они не могли скрыть своего возмущения, когда увидели, как большевики забирают себе золотую цепочку, на которой висели у кровати больного Алексея Николаевича его образки» (Жильяр).

Князь Львов, летом 1918 г. сидевший в екатеринбургской тюрьме № 2, рассказывал следователю Соколову, что Нагорный и Седнев «рисовали екатеринбургский режим самыми черными красками... Обращение с Ними... с каждым днем становилось все хуже. Прогулку сократили до 5 минут. Не разрешались физические упражнения... Особенно недостойно обращались с Великими Княжнами... Седнев с Нагорным постоянно ругались с красногвардейцами из-за Царской Семьи, преданно отстаивая Ее интересы. Вот почему их бросили в тюрьму. Их слова

подтвердили тюремщики, служившие и при нас, и в доме Ипатьева».

Из дневника Государя: «16 мая. Среда... О Седневе и Нагорном ни слуха ни духа!.. 3 июня. Воскресенье... Всё поджидаем Седневу и Нагорного, кот[орых] нам обещали выпустить сегодня...»

Из дневника Государыни: «15/28 мая. Вторник... Я спросила, когда наконец Нагорному позволят прийти снова, поскольку не знаю, как мы будем обходиться без него — Авдеев отвечает, что не знает — боится, что не увидим ни его, ни Седневу снова. Бэби сильно мучился...»

28 мая/13 июня. Четверг... Авдеев... обещал нам Седневу и Нагорного на воскресенье... Сказал, что остальные наши и Валя уехали три дня назад в Тобольск... 11/24 июня. Понедельник. Прохладнее. Ничего особенного не произошло... Они хотят вернуть нам Нагорного...»

Это тоже из области «изуверских моральных пыток» (по выражению генерала Дитерихса): подать ложную надежду, которой люди, сами не способные на коварство и ложь, поверят, а потом наблюдать крах надежд и горе новой утраты.

«25 июня/8 июля, понедельник... Все еще нет Владимира Николаевича... Бэби... легче двигает ногой после массажа и упражнений с Е.С. Жестоко, что нам не возвращают Нагорного... 30 июня/13 июля, суббота. Говорят, что Нагорного и Седневу выслали, вместо того, чтобы вернуть нам...»

Семья не дождалась их возвращения. Матросов расстреляли в конце июня 1918 г. (по другим данным — в конце мая) «за предательство дела мировой революции». Там же, где генералов Татищева и Долгорукова. Брошенные на месте казни тела нашли и похоронили через два месяца, после ухода большевиков. Опознали их по платью...

Петр Ермаков, который всю жизнь доказывал (претендентов было много), что именно он убил Царя, любил живописать юным пионерам, как собственноручно расстрелял «царского холопа — дядьку бывшего Наследника»...

Расписка»: «Я, нижеподписавшийся, гражданин Нагорный Климентий Григорьев, Киевской губернии, Сквирского уезда, Антоновской волости, село Пустоваровка, даю настоящую расписку, что, желая продолжать служить при бывшем царе Николае Романове, обещаюсь подчиняться и выполнять распоряжения Уральского областного Совета, исходящие от коменданта дома особого назначения, и считать себя на равном состоянии, как и остальная семья Романовых. 24 мая (1918 г.)».

Матросы гвардейского экипажа Императорской яхты «Штандарт» Иван Дмитриевич Седнев и Климентий Григорьевич Нагорный — святые воины Иоанн и Климентий — прославлены в лике святых РПЦЗ в 1981 г.

Жизнь за царя

Посвящается памяти доблестного матроса Нагорного

В години ярости кровавой	С своим Царем пошел в изгнание
Преступных слов и гнусных дел,	Ты, верный раб и честный друг.
Когда от нас Орел Двуглавый,	И скорбь, и жребий — зло суровый
Взмахнув крылами, улетел;	Ты с Ним в дни горя разделил
Когда убийцы и бродяги,	И за Него томясь, оковы
Позоря славный ход времен,	В предсмертный час благословил.
Топтали царственные стяги	И, пульей в грудь навывлет ранен,
И Крест Андреевских знамен;	Ты умер, верностью горя,
Когда матросы с бандой серой,	Как умер преданный Сусанин
Казня страдалыцев без вины,	За Православного Царя...
Глумились в бешенстве над верой	Пройдет свободы хмель позорный,
Седой священной старины, —	Забудет Русь кровавый бой...
Тогда на вольные страданья,	Но будет жить матрос Нагорный
С ничтожной горстью верных слуг,	В преданьях родины святой.

С.С. Бехтеев, Севастополь, 1920 г.